

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПЕТЕРБУРГА.¹

[106]

Письмо п е р в о е.

Художественная жизнь замерла не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи.

Мы переваливаемъ теперь тяжелый для подъема, безводный, суровый водораздѣль. Старыя, оставленныя нами рѣки обмелѣли. Всѣ рвутся къ новымъ источникамъ, новому раздолью, находящемуся тамъ, за водораздѣломъ. Мы ясно чувствуемъ, что за этой безводной пустынею, орошаемой лишь братской кровью, лежитъ обѣтованная земля. Суждено ли нынѣшнему поколѣнію дойти до нея—извѣстно одному Богу. Но мы знаемъ, твердо знаемъ, что не итти впередъ, не преодолевать со страшными усиліями почти неопределимыя препятствія тяжелаго пути, мы не можемъ, не должны. Иногда намъ дѣлается страшно. Все старое мы покинули безвозвратно. Мы какъ бы отреклись отъ старой культуры. Найдемъ ли мы новую красоту, создадимъ ли новую культуру? Не сметутъ ли грозныя событія, не только старый государственный строй, но и всѣ тѣ робкія, далеко не утвердившіяся въ жизни, культурныя начинанія, которыя, надо сказать правду, съ большими усиліями, искусственно, безъ поддержки общества, насаждались въ Россіи за послѣднія 200 лѣтъ.

Но событія идутъ по своимъ, не всегда понятнымъ намъ, законамъ. Съ ними надо считаться, надо напречь всѣ силы разумѣнія, чтобы осмыслить ихъ, направить ихъ въ русло законности, но возставать противъ нихъ—безумно. Только слабые и малодушные, инстинктивно цѣпляющіеся за отнятое у нихъ благополучіе, могутъ стремиться назадъ, къ тѣмъ отравленнымъ источникамъ, отъ которыхъ русскій народъ только-что избавился цѣною жестокой борьбы...

Великая французская революція смела безжалостно весь міръ

¹ Д.В. Философов, «Художественная жизнь Петербурга. Письмо первое», *Золотое руно*, 1906, №1, 106-11ю.

утонченного рококо и сентиментальной эпохи Louis XVI.

Изъ художниковъ революцію пережилъ одинъ лишь спартаецъ, или вѣрнѣе римлянинъ времени первой республики, — Жакъ Луи Давидъ. Въ качествѣ председателя жюри салона 1791 года онъ писалъ: „Не тѣмъ произведенія искусства достигаютъ цѣли, что бываютъ пріятны глазу. Слѣдуетъ приводить примѣры геройства и гражданскихъ подвиговъ, которые бы поднимали душу народа и будили бы въ ней чувство самопожертвованія на благо родины”.

Отъ Буше и Греза, до этой суровой, тенденціозной эстетики—казалась бы цѣлая пропасть. Людямъ стараго режима должно было воистину казаться, что все погибло, что старая культура исчезла навѣкъ, давъ мѣсто новымъ варварамъ,—разрушителямъ.

И дѣйствительно XVIII вѣкъ былъ надолго забытъ.

Только въ послѣдней четверти XIX столѣтія, съ легкой руки братьевъ Гонкуровъ, французское общество начало ску-

[107]

пать у старьевщиковъ старыя гравюры, мебель, книги, картины этой эпохи, и то вѣчно-прекрасное, что сохранилось въ художественномъ творествѣ XVIII вѣка, снова ожило и заняло почетное мѣсто рядомъ съ искусствомъ позднѣйшимъ, искусствомъ вновь пришедшихъ варваровъ. Франція пережила тяжелый періодъ 1792—1804, и въ конечномъ счетѣ, не утративъ цѣннаго стараго, создала новыя художественныя цѣнности, достойныя великаго культурнаго народа.

Русскому искусству отъ революціи терять почти нечего. Тотъ ударъ, который нанесъ внѣшней художественной культурѣ Петръ Великій, былъ въ тысячу разъ сильнѣе невзгодъ, переживаемыхъ современнымъ искусствомъ.

Петръ уничтожилъ цѣлый міръ вѣка сложившейся культуры, онъ былъ истиннымъ носителемъ революціи, которая, что бы тамъ ни говорили

умалители Петра, не имѣла никакихъ корней въ прошломъ Россіи.

Совсѣмъ другое дѣло теперь. Наша революція страшно запоздала.

Скованная по рукамъ и ногамъ Россія маялась весь девятнадцатый вѣкъ, тратя лучшія свои силы на борьбу съ режимомъ. Искусство официальное, академическое— гибло отъ навязанной ему казенщины, отъ искусственной атмосферы упадочнаго болонизма, въ которой ему приходилось работать. Искусство, такъ сказать „общественное”, гибло отъ некультурности самага общества, отъ той служебной роли, которую приходилось играть искусству, терпимому лишь какъ одна изъ формъ пропагандъ общественныхъ идей.

Въ самые послѣдніе годы появились „декаденты”.

„Слишкомъ ранніе предтечи слишкомъ медленной весны”. Они подверглись гоненію со сторонъ обоихъ лагерей. Подлинныя радикалы въ эстетикѣ, они были въ опалѣ какъ у академіи, этой хранительницы традиціи, такъ и у общества, которое не могло примириться съ доведеннымъ до такой крайности культомъ личности.

И тѣмъ не менѣе, мнѣ думается, что только декаденты могутъ успѣшно перевалить черезъ ту безводную пустыню, въ которую мы нынѣ вступили, и дождаться до новаго расцвѣта искусства, который, надо надѣяться, переживетъ въ недалекомъ будущемъ Россія. Прежде всего это люди — талантливые, безстрашные и внутренне свободные.

Сумѣютъ ли они воспользоваться своей свободой, чтобы выйти изъ той замкнутости, изъ того страшнаго одиночества, въ которомъ они находятся,—это другой вопросъ. Но всѣ возможности къ тому имъ открыты. Бездомные, непризнанные, они съ революціей ничего не теряютъ, а приобрѣсти могутъ многое.

Вскорѣ послѣ манифеста 17-го октября (см. „Русь” отъ 11 ноября) въ газетахъ появилось любопытное воззваніе, подписанное художниками именно декадентскаго направленія. Въ немъ художники призывались къ объединенію, къ работѣ надъ созданіемъ новыхъ условій художественной жизни въ странѣ.

Художники почувствовали, что они не могут

[108]

больше оставаться в стороне; приветствуя свободу, они сознали необходимость сказать и свое слово, принять деятельное участие в построении новой культуры.

Прежде всего они должны участвовать в определении новых отношений между государством и искусством. Дело художественного образования, образования художественно-промышленного, музыкального, драматического, театры, музеи, охрана памятников искусства, выставочное дело, все должно быть создано почти вновь.

Пора, наконец, искоренить тот дух отвратительного хулиганства и озорства, который царит в наших официальных художественных учреждениях. Пора наши музеи сделать действительно доступными народу, пора взять преподавание искусства в низших, средних и высших учебных заведениях из рук жалких беспомощных чиновников и передать его людям художественно образованным и преданным искусству. Художественно-промышленное образование также не должно оставаться в руках бездарных меценатских „обществ”, настроивших миллионные дворцы, где преподается не искусство, а квази-военная дисциплина, со всеми сопутствующими ей орудиями угнетения художественной личности. Наконец, надо обратить самое серьезное внимание на правительственные театры, где интересы искусства и культуры ставятся на последнее место, где художники считаются подозрительными субъектами и где слово принадлежит не людям, понимающим дело, а... кавалергардам. Тема эта настолько серьезна и так близко касается самых существенных интересов искусства, что я надеюсь к ней еще вернуться и больше детально рассмотреть различные стороны предстоящих художественных реформ.

Конечно, даже при самых благоприятных условиях эти реформы

могутъ быть произведены лишь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, а пока что, жизнь искусства у насъ совершенно замерла.

О выставкахъ никто и не думаетъ. Передвижники отказались отъ залъ Общества поощренія художествъ, а Союзъ русскихъ художниковъ замолкъ совсѣмъ. Одна выставка уже пострадала отъ революціи, это выставка Васнецова. Въ бурные октябрьскіе дни, администрація академіи не могла охранить залы съ картинами В. Васнецова отъ напора возбужденной толпы. Передъ застывшими, византійско-русскими композиціями нашего великаго „реставратора” происходили „неистовства черни”. Безсильное начальство рѣшило выставку закрыть. Почтенный художникъ обидѣлся и сложилъ съ себя званіе дѣйствительнаго члена академіи. Такимъ образомъ, за нынѣшній годъ академія лишилась двухъ своихъ сочленовъ: В. А. Сѣрова и В. М. Васнецова.

Сѣровъ, случайно, провелъ январскіе дни въ зданіи академіи. Онъ видѣлъ, какъ дворъ академическаго зданія былъ

[109]

переполненъ войсками, онъ узналъ, какую близкую связь имѣли „свободныя художества” (въ лицѣ своего высшаго официальнаго представителя), съ управленіемъ войскъ петербургскаго округа. И онъ ушелъ изъ академіи, потому-что свободный художникъ не долженъ быть причастнымъ ни къ какому насилию.

Черезъ полгода послѣ Сѣрова покидаетъ академію Васнецовъ, но по причинамъ діаметрально противоположнымъ. Онъ обидѣлся, зачѣмъ академія не охранила войсками его выставку, зачѣмъ передъ его картинами, какъ нѣкогда передъ Брюлловымъ, не были поставлены солдаты съ ружьями.

Но нашу богоспасаемую академію ничѣмъ не смутишь. Либеральныя передвижники крѣпко засѣли въ своихъ казенныхъ квартирахъ и, изготовляя на усладу публики бездарно-сентиментально - обличительныя картинки, мирятся съ какимъ угодно режимомъ и какимъ угодно положеніемъ дѣлъ въ академіи.

Лишь бы их не трогали. Попутно они проявляют свою просвѣщенность и награждают выдающихся художниковъ званіемъ „академика”. Такъ, они недавно поощрили этимъ званіемъ М. А. Врубеля. Избраніе это было бы болѣе понятно, если бъ оно было сдѣлано новымъ составомъ академіи. Но, какъ извѣстно, тамъ засѣдаютъ тѣ же лица, которыя съ такой злобой издѣвались надъ Врубелемъ, которые такъ ненавидѣли выставки „Міра Искусства”. Теперь, когда „Міръ Искусства” прекратился, когда сама академія закрыта, члены академіи сочли нужнымъ официально признать Врубеля художникомъ. Для кого, для чего? Неужели академія думаетъ, что она спасетъ себя такимъ жалкимъ заигрываніемъ, неужели она надѣется примирить съ собой общество при помощи этихъ запоздалыхъ и смѣшныхъ уступокъ? Поздно, г-да передвижники-чиновники. Избирая художниковъ въ свою среду, академія никакой чести имъ больше не оказываетъ, скорѣй ихъ компрометируетъ. Сѣровъ недаромъ покинулъ академію...

Одна форма искусства могла бы пережить въ настоящую минуту „эпоху возрожденія”.

Эта—область иллюстраціи, область политической каррикатуры, социальной сатиры.

Событія бѣгутъ съ такой быстротой, жизнь не только съ внѣшней, но и съ внутренней стороны такъ измѣнилась, и такъ съ каждымъ днемъ измѣняется, въ ней открылось столько своеобразной, трагичной эстетики, что запечатлѣть ее можно только, такъ сказать, фотографическимъ способомъ, быстрымъ карандашнымъ наброскомъ. Ужасные московскіе дни, не говоря ужъ объ осеннихъ митингахъ, объ октябрьскихъ дняхъ, были полны такой своеобразной, грозной красоты, что художники обязаны ихъ увѣковѣчить своимъ карандашомъ.

Въ Петербургѣ была сдѣлана попытка создать, при помощи нашихъ лучшихъ художественныхъ силъ, истинно современный, революціонный журналъ, революціонный не въ смыслѣ „вооруженнаго возстанія”, а въ смыслѣ беспощаднаго бичеванія всего благополучнаго, мѣщанскаго, коснаго. Я говорю о „Жупелѣ”. Къ сожалѣнію, благодаря чисто внѣшнимъ условіямъ,—стараніямъ судебныхъ скорпіоновъ,— онъ приостановился послѣ перваго же номера. При болѣе благопріятныхъ условіяхъ онъ могъ бы занять почетное мѣсто въ исторіи нашего искусства, потому что въ немъ, не смотря на то, что первый номеръ былъ не особенно удаченъ, было здоровое зерно, которое могло развиваться въ будущемъ.

За послѣднее время, наши улицы наводнены иллюстрированными журналами обличительной сатиры. Бездарные художники, при помощи щедро разливаемой красной краски, жалкіе литераторы, при помощи дерзкихъ выходокъ, сбываютъ свой товаръ за пятачки. Вначалѣ публика набрасывалась на него. Но теперь дешевка начинаетъ надоѣдать своимъ однообразіемъ, своей грубостью. Теперь, больше чѣмъ когда-либо настоящій художественный журналъ, въ родѣ *Simplicissimus*'а, могъ бы имѣть успехъ. Вѣроятно, на смѣну „Жупела” явится такой новый журналъ, потому что хедожественная сила для подобнаго предпріятія у насъ есть. Надо только, чтобы художники сосредоточили свое вниманіе не столько на политической каррикатурѣ, сколько на соціальной сатирѣ. Я расчленяю эти два понятія.

При маломъ развитіи нашей политической жизни, при отсутствіи популярныхъ, т.-е. извѣстныхъ въ лицо, политическихъ дѣятелей, каррикатуры недоступны широкимъ кругамъ общества. Нужно хорошо знать внѣшній обликъ того лица, на котораго сдѣлана каррикатура, чтобъ оцѣнить ея художественность.

Кто видѣлъ Трепова, или нашихъ министровъ, въ родѣ Кутлера,

Тимирязева и tutti quanti? Кто видѣль Гучкова, Шмакова и другихъ?

Гдѣ-нибудь во Франціи, министры извѣстны всѣмъ и по парламенту, и по многочисленнымъ банкетамъ. При избирательной агитаціи они колесятъ по всей странѣ, произнося рѣчи передъ многотысячной толпой. Силою вещей они какъ бы предназначаются для карандаша каррикатуриста. Punch'и и Kladderadatsch'и—по моему мнѣнію, впрочемъ бездарные и утратившіе всякій интересъ журналы—могутъ процвѣтать лишь въ условіяхъ западной жизни.

У насъ же теперь мѣсто сатирѣ соціальной. Наша революція значительна и интересна именно съ соціальной точки зрѣнія. Вся ея политическая сторона какъ разъ наиболѣе неудачна и неблестяща. Политическаго переворота у насъ до сихъ поръ нѣтъ, тогда какъ переворотъ соціальный—поразителенъ своей грандіозностью. На сцену выступили новые слои общества, выступили мощно и властно, руководимые сильными и талантливыми вожакамн. На фонѣ ихъ тре-

[111]

бованій, ихъ забастовокъ и резолюцій, соціальныя язвы властвующихъ слоевъ обнажились съ особой ясностью. Для художника-сатирика открылось обширное поле дѣятельности. Новому журналу надо гоняться не столько за политиканствомъ, сколько за соціальной борьбой, происходящей у всѣхъ на глазахъ.

Надо, чтобы всѣ стороны стараго и новаго быта находили свою

художественную оцѣнку. Армія судъ, чиновничество, дворянство, буржуазія, уличная жизнь, хулиганство и другія стороны стараго уклада должны быть „иллюстрированы” художественнымъ наблюдателемъ.

Конечно, наши художники еще очень неопытны въ этой области. У насъ мало хорошихъ рисовальщиковъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что новая жизнь вызоветъ и новыя силы. И можетъ-быть, мы переживаемъ теперь вовсе не время упадка русскаго искусства, а его возрожденія...

Д. В. Ф и л о с о ф о в ъ.

22 декември 1905 г. Петербургъ.